

ВЕЧНАЯ КЛАССИКА

Научная статья

УДК 130.1

DOI: 10.46724/NOOS.2022.2.90-100

А. Гелен

КОНЕЦ ЛИЧНОСТИ?¹

Аннотация. В центре внимания автора статьи — фундаментальная антропологическая проблема — личность в мире. Зафиксирован историко-идейный отход от «господствующего, самим собою разумеющегося образа человека» (антично-христианской парадигмы). Показана специфика современной автору критики культуры через призму представлений об рискогенности массовой культуры (для личности). Обоснована транзитивность в понимании и трактовке основного философско-антропологической категории «личность» в контексте существования современного общества. Раскрыт феномен социокультурного ослепления (слепоты), заключающийся в отрицании негативных сторон жизни, неприятие старения, неспособность учета негативного. Установлена связь между утратой целостности и экзистенциальной дезориентацией (чувством собственной нежелательности). В качестве вывода предложено авторское определение личности.

Ключевые слова: (современный) человек, (подлинная) личность, образ, культуркритика, (массовая) культура, интерсубъективность, действительность, утрата целостности, моральный дефект, приспособление, унификация субъективности

Ссылка для цитирования: Гелен А. Конец личности? [перевод А. Н. Портнова] // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 90—100.

Original article

A. Gehlen

END OF A PERSONALITY?

Abstract. The focus of the author of the article is a fundamental anthropological problem — a person in the world. A historical and ideological departure from the "dominant, self-evident image of a person" is recorded. The author shows the specifics of the contemporary criticism of culture through the prism of ideas about the riskiness of mass culture (for the individual). The transitivity in the understanding and interpretation of the main philosophical and anthropological category "personality" in the context of the existence of modern society is substantiated. The phenomenon of sociocultural blindness is revealed, which consists in the denial of the negative aspects of life, the rejection of aging, the inability to take into account the negative. A connection has been established between the loss of integrity and existential disorientation (a sense of one's own undesirability). As a conclusion, the author's definition of personality is proposed.

© Портнов А. Н., перевод на русский язык, 2022

¹ Перевод выполнен по изданию: Gehlen A. Das Ende der Persönlichkeit, in *Studien zur Anthropologie*, Berlin, 1963, ss. 328—341.

Keywords: (present) human, (true) personality, image, cultural criticism, (mass) culture, intersubjectivity, reality, loss of integrity, moral defect, adaptation, unification of subjectivity

Citation Link: Gehlen A. (2022) Konets lichnosti? [End of a personality?], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 90—100.

Удобнее всего начать обсуждение нашей темы с помощью краткого контрастирующего размышления. Согласно античному взгляду на вещи, человек обладает способностью к познанию, прежде всего к выделению устойчивых форм бытия, которые лежат в основе бесконечной смены образов, причем эта способность организована так, что нет никакой необходимости задавать вопросы, выходящие за ее пределы. И в этом смысле и нужно понимать часто повторяемое высказывание Парменида² о том, что «бытие существует». Таким представлениям соответствовало представление о человеке как рациональном деятельном существе. Как говорит Р. Дж. Коллингвуд³, у греков было наивное и сильное чувство власти, данной человеку для того, чтобы управлять своими действиями: конечно, судьба всегда нависает над каждым, но опыт учит, как ее избежать. Согласно Геродоту, Амазис отказался от дружбы с Поликратом, так как тот был слишком удачлив.

Согласно раннехристианским воззрениям, человеческая деятельность слепа, в основном человек действует во тьме, он не может знать намерений единственно реально действующего лица — Бога, который осуществляет свои замыслы через него. Поэтому христианские историки должны ссылаться на тот метафизический план, который имел в виду Бог, когда он вызывал к жизни царства и царей, а затем обращал их в небытие. Согласно Ж. Маритэну, Декарт первым предпринял попытку согласовать «высокомерие человеческого разума» с теологией; этим высокомерием он был одержим и сам, «несокрушимое, как добродетель» оно властвовало над его внутренним миром. И если на другой стороне — в

² По всей видимости, имеется в виду фраза Парменида «То γὰρ αὐτο νοεῖν τῆ καὶ εἶναι». Этот фрагмент, по мнению специалистов, имеет несколько десятков различных интерпретаций [Монин, 1997]. Наиболее распространенный перевод, или, скорее, толкование: «мыслить и быть одно и то же» (Плотин, Климент Александрийский) [Фрагменты ранних греческих философов, 1989: 287].

³ Коллингвуд Робин Джон (1888—1943) — британский философ и историк. Наиболее известная его работа «Идея истории» представляет собой сочетание текстов, написанных в различное время и частично прижизненно не опубликованных. Компиляция этой книги принадлежит его ученику Т. М. Ноксу (Т. М. Кнох). В этом смысле повторилось то, что в свое время произошло с книгой Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики». Соссюр тоже никогда не писал и не публиковал своей знаменитой книги. То, что нам известно, это записи лекций его учеников, главным образом Балли и Сеше. Коллингвуд полагал, что то, что мы называем «историей», представляет собой восстановление мышления некоторого исторического персонажа; он сомневался, что два человека могут иметь одинаковые мысли (при одинаковом содержании-content), так как не существует неопровержимой теории личностной идентичности, которая могла бы противостоять такому учению. В этом смысле он верный последователь англосаксонского номинализма. Впрочем, еще Секст Эмпирик отмечал, что «...поскольку движения мыслей у каждого свои, то не будет и общей истины, а при отсутствии общей истины все будет неясно и разногласно» [Секст Эмпирик, 1976: 177].

кальвинизме *certitudo salutis*⁴ и идея предназначения вообще занимают центральное место, то это означает, что честно достижимое просветление и отчет в своих поступках в течение сознательной жизни не имеют окончательного значения перед лицом божественного решения, которое нам остается недоступным. Таким образом, признание сверхъестественного и выходящего за пределы нашего разума принадлежит к тем основным требованиям, которые христианство предъявляет верующему.

В наши же дни не может идти речи о некоем господствующем, самым собою понимаемом образе человека. С одной стороны, мы слышим бодрые заявления о возможности сотворения нового человека и приспособления его к сложным условиям современной культуры. С другой — видим фатализм, утерю мужества и стремление использовать астрологические прогнозы и самомаleastшие шансы, которые нам якобы дает обращение к звездам. Одни хотели бы с помощью широкомасштабного планирования изменить лицо земли, другие мечтают о том, чтобы рента, покрывающая их основные потребности, доставлялась им домой.

Насколько стал невыносимым античный мир, видно на примере современной критики культуры. Хотя в эпоху эллинизма бесконечные победы и поражения, вторжение чужих культур и процессы, разрушающие культуру, делали бессмысленными идею о том, что человек — это деятельное существо, от которого много зависит, тем не менее от такой трактовки человека не отказывались, саму идею активности трактовали в плане внутренней перестройки личности: активно и трезво мыслящий человек должен был сам из себя создавать фигуру, противостоящую существующим условиям. Стоики и киники являли собой пластические образы, которые показали, как можно противопоставить свободу действий хаосу внешних обстоятельств — свободу, уже направленную на достижение того, чтобы собственное Я было свободно от воздействия чуждых событий и судеб. Сам факт, что больше не существует стоического жеста и агрессивной кинической литературы даже в Англии, показывает, что резервы возмущения (*indignation*) уже исчерпаны; они уступили место недовольству нахлебников существующего порядка вещей. Зато у нас сколько угодно «критики культуры» и, как говорит Ортега, так же как «стервятники и гиены питаются падалью», так же существуют «стили мышления, которые расцветают в условиях упадка».

Эта критика культуры есть не что иное, как социальный рефлекс; по большей части речь идет об оборонительных действиях определенного слоя образованных людей, которые в технизированном обществе могут потерять свои социальные функции, либо они не могут ясно их определить. Современному индустриально-бюрократическому обществу требуются — в силу его природы — определенные науки и искусства, как, например, естествознание, медицина, юриспруденция, архитектура. Здесь нет никакого подлинного кризиса, или же он есть, но в том смысле, что прогресс науки требует пересмотра тех ее оснований, которые еще недавно рассматривались как нечто само собой разумеющееся. Но науки о духе, философия, исторические науки, т. е. науки, от которых зависит уровень образованности человека в подлинном смысле, равно как и свободные искусства, действительно находятся в кризисе, и именно поэтому понятие культуры суживается и оказывается применимо только к ним. Для художника

⁴ *Certitudo salutis* — «уверенность в спасении».

или философа, для филолога-античника действительно сложно считать свою деятельность необходимой для общества, общество прямо не требует их услуг, и именно из этих кругов проистекает значительная часть критики, направленной против индустриального общества. Другая разновидность морализирующей культуркритики являет собой превращенную, оттесненную от подлинной революционной агитации оппозицию, которая критикует общество потому, что *уже* не может или *еще* не может его изменить.

Из этих культуркритических позиций нас интересует только одна, а именно та, которая утверждает, что массовая культура угрожает личности. В определенном смысле, который я проанализирую ниже, это верно, но первоначально вводит в заблуждение. Никогда еще не было в мире столько тонкодифференцированной и способной к самовыражению субъективности как ныне, никогда не было так много людей с «чувствительными антеннами». Вообще-то это должно рассматриваться как нечто само собой разумеющееся, если помнить, что мы живем в эпоху психологии. Она началась 100 лет назад — вместе с эпохой великих писателей-романистов, и со смертью Томаса Манна⁵ она не закончилась. Обширные знания тонкостей внутреннего мира человека, вершиной которых во многих случаях являются идеи Ницше, который убил философию с помощью психологии, и Фрейда, который измерил глубину Ахерона⁶, — все это опыт, добытый при исследовании причудливого «внутреннего внешнего мира», который обнажился при распаде старых общественных и ценностных систем. С другой стороны, наблюдается определенная унификация душевной жизни. Но сегодня униформу носят вполне сознательно, и также сознательна унификация субъективности. Собственно говоря, термины «душа» и «дух» не подходят для обозначения формы бодрствующей психики, чьи противоречия сосредоточены в том же самом субъекте.

Часто говорят, что наша психология — психология без души. Это верно, но зато мы имеем психологию индивидуальной субъективности с таким понятийным аппаратом, который вызывает только усмешку. У Пруста, Сартра или Музиля можно найти гораздо лучшее описание каждого нюанса психики. Раньше говорили: дай взглянуть на твой почерк, и я скажу кто ты. Все это осталось в прошлом. Начни какое-нибудь предложение, и я скажу: молчи, все знаю сам. Это современная психология, она хорошо приспособилась к многомерности своих предметов, настолько хорошо, что слишком острый нож, которым оперируют психологи, становится выщербленным и тупым. В этом отношении

⁵ А. Гелен, который в первой половине 1940-х годов сам занимал кафедру психологии Венского университета, считал, о чем писал неоднократно, что современная ему психология не достигла той тонкости психологического анализа, который он видел у классиков литературы XIX — начала XX века, прежде всего французских и русских (Достоевского и Чехова), но также и немецких.

⁶ Ахерон — река в греческой области Эпир (др.-греч. *Ἀχέρων*, ново-греч. *Ἀχέρωντας*). Древние греки верили, что это одна из пяти рек подземного мира, в которую впадают остальные: Стикс, Кокютос, Флегетон и Лета. Наряду со Стиксом она считалась рекой мертвых, через которую Харон перевозит души умерших в царство мертвых. В диалоге Платона «Федон» [Платон, 1993: 74—75] души умерших направляются через Ахерон к озеру, где они отмывают свои прегрешения, после чего могут возродиться к новой жизни. Сам Ахерон считался одним из трех тысяч порождений Океана и Тетис. У Платона мы находим форму *Ἀχέρωντος* — Ахеронт.

оправдываются слова сэра Гарольда Николсона, что «психология с ее вечными подразделениями и добавлениями превратилась прямо-таки в вершину скуки»⁷. Но, прежде всего, следует иметь в виду, что у современного человека имеется некое подобие душевной жизни, которое порождает под влиянием внешних воздействий и из себя самого мысли, чувства, настроения, переживания, страсти, в которых живут отражение, осмысление, утаивание и просвет. А у людей, репрезентирующих современное общество, все это давно вплетено в трудовую деятельность и денежный оборот, в непрерывное вращение магнитофонных лент и типографских машин. Это должно быть упомянуто, прежде чем мы поставим вопрос о личности.

Отметим, что существует особое значение слова «личность», которое мы и рассмотрим вначале. Это так называемая творческая личность, фигура крайне важная в нашем обществе. Это человек, порождающий импульсы, творческие решения, добивающийся успеха в своем деле, вкладывая в него себя целиком, — человек с инициативой и широким видением проблем. Он обладает высокой работоспособностью, умением обходиться с людьми и разрешать сложные проблемы. Из психологических исследований мы знаем, что такой человек должен удовлетворять следующим трем условиям — обладать высоким интеллектом, жизненной энергией, самоконтролем. Нет сомнения, что современному обществу требуется такой тип людей, и оно их порождает. Ведь оно, это общество, открытое, непрерывно разрушающее свои традиции и стремящееся вперед, но одновременно и такое, которое распадается на специализированные виды деятельности, ему постоянно угрожает опасность окостенения в рутинных привычных и отработанных видах операций и деятельности. Потому метарутинёр, человек, который способен подняться над привычными навыками и видами деятельности, прорваться через них (одновременно прекрасно владея ими), превращается в ключевую фигуру этого общества. Везде — в управлении, в политике, в экономике наше общество порождает и использует этот тип «предпринимателя-изобретателя». Отсюда проистекает и своеобразная формализация требуемых качеств: изобретательный, разворотливый, витальный, надежный и т. д. — все это формальные категории, содержательную сторону образуют именно профессиональные способности и результаты. Именно поэтому трактовка личности в этом контексте оказывается в конечном счете ориентирована именно на результаты. Ожидается, что недюжинные способности так или иначе найдут свое отражение в достижениях; личность без успехов в профессиональной сфере представляет собой противоречивое явление. Но как раз для достижения успеха в определенной области требуется ныне нечто большее, нежели профессиональные способности. Личность, понимаемая таким образом, представляет собой некий идеальный тип внутри нашего профессионального мира. От личности конкретно зависит очень многое, но этого идеала не так-то легко достигнуть. Этот

⁷ Сэр Harold Nicolson (1886—1968) — британский дипломат политик (член парламента 1935—1945), журналист и писатель, автор более тридцати книг, посвященных творчеству Байрона, Верлена, Теннисона, Суинберна, Б. Констана, Сент-Бева, практике и истории дипломатии, истории XVIII—XIX веков. В данном случае Гелен, видимо, ссылается на его наиболее известную книгу «Diaries and Letters» [Nicolson, 1966—1968] (несколько томов, освещающих период с 1930 до 1950-х годов, изданных его сыном Найджелом Николсоном).

идеал в высокой степени суггестивен, но путь к нему непрост — тот, кто не смог его достигнуть, сходит с дистанции.

Теперь возникает вопрос, можем ли мы дать определение личности иначе, как через субъективность и продуктивность. При этом ни в коем случае нельзя забывать, что в современном мире работа, труд⁸ стоят на первом месте — все мыслимые трактовки человека и мира возможны только под этим знаком. Если в наши дни мы знакомимся с государственным служащим, инженером, предпринимателем, священником, человеком искусства, то, как правило, все говорят про себя, что они «заработались». Даже сама возможность наслаждаться произведениями искусства открывается нам на высших ступенях модерна только благодаря напряжению, духовному труду. Так, атональную музыку нельзя воспринимать только чувством, а «Дуинские элегии» Рильке не читают ради развлечения. Трудовой характер также и духовной сферы — знак нашего времени. Чтобы утвердиться в мире, необходимо вписаться в структуру больших институтов — это могут быть университеты, церкви, партии, учреждения, предприятия, с другой же стороны, художники и писатели, чтобы выжить, должны позволить втянуть себя в коммерциализированные отношения производства и сбыта. Одновременно человек оказывается в сфере социального и здесь проявляется второй знак времени: вся жизнь находится под гипнозом социального. Каждый общественный институт вынужден стремиться к власти и влиянию в той степени, в которой он хочет сохранить себя, подпадая под диктат тех представлений, которые существуют у нас о социальном. И если мы сложим вместе социальное и труд, добавим к этому субъектность, то действительно возникает вопрос — что же еще есть в нашей жизни, что не покрывается этими тремя категориями. Но все же мы могли бы добавить сюда все наши задатки и способности. Никто кроме меня⁹ не подчеркивал так настойчиво, что все наши личностные достижения, должны, прежде всего, опираться на общественные институты, в которых мы живем. Профессия — это становой хребет жизни, сказал именно Ницше, у которого его как раз и не было. Но она же влечет за собой *déformation professionnelle*, односторонность, узость и окостенение, которые абсолютно неизбежны.

В современном мире сферы труда и социального обнаруживают явную тенденцию к улучшению условий жизни, к росту производства и его все большей эффективности, к устранению тех препятствий, которые лежат на пути к большому счастью все возрастающего числа людей, — эвдемонистическая тенденция, пренебречь которой не может ни один общественный институт, если только он хочет выжить. Тем самым, этос труда в глубине и сам эвдемонистичен. Я не знаю, на каком основании порой утверждают, что вера в прогресс осталась в прошлом. В прошлом — в том смысле, что прогресс в указанном смысле уже не предмет веры, а действительность. И поскольку мы все преданы труду

⁸ «Die Arbeit» имеет в немецком языке несколько иное семантическое поле, чем в русском, означая первоначально, прежде всего, усилия по преодолению некоего препятствия.

⁹ Гелен имеет в виду большую серию статей, написанных в начале 1950-х годов, а также две книги «Die Seele im technischen Zeitalter» [Gehlen, 1957] и «Urmensch und Spätkultur» [Gehlen, 1956], в которых он развивал идею общественных институтов как средства развития и воспитания человека.

до глубины души, постольку мы участвуем в деморализации, которой оплачивается прогресс.

Она же состоит, прежде всего, в том, что негативные стороны жизни становятся неприемлемыми. В общественной жизни мы видим это везде: социальная дисциплина начинает распадаться, как только возникают чрезвычайные ситуации. По крайней мере этого опасаются, иначе бы искусство оперировать на линии наименьшего сопротивления не получило бы такого распространения. Что касается отдельных людей, то теряются способности, позволяющие включать болезни, нужду и разочарование в жизненные планы. Все это отбрасывается, больше не включается в жизнь. Действительно, это должно исчезнуть, но когда негативное в жизни виснет на воротах, то деваться некуда. Вездесущие страх и раздражительность являются, по всей видимости, отражением неспособности постоянно иметь в виду угрожающие жизненные обстоятельства, не говоря уже о том, чтобы опереться на них в повседневной жизни. Ханс Фрайер¹⁰ подчеркнул недавно, что современный человек не «живет», а «подчиняется течению жизни» (*nicht lebt, sondern gelebt wird*). Его влечет поток все возрастающего производства иллюзий, порождаемых средствами массовой информации. Но если он однажды очнется от этого морока, то увидит — *qui serra vécu, verra*¹¹.

Частью этого ослепления является отрицание старения. Этот процесс, сам по себе неприятный, больше не принимается во внимание, общество не предусматривает для стареющего человека ни функций, ни социального статуса. Он сам должен справляться со своими жизненными обстоятельствами, не имея для этого моральных и физических сил. И поскольку мы думаем с помощью шаблонов, которые предлагает нам общество, то у нас отсутствуют категории для того, чтобы включить процесс старения в смысловые структуры intersубъективного характера, т. е. примерить эту ситуацию к самим себе.

Неспособность учитывать негативное, смесь из оптимизма и страха — сквозная черта современного человека, моральный дефект, впрочем, не затрагивающий этического содержания десяти заповедей, что свидетельствует о многомерности морали. Однако для того, чтобы полностью принимать жизнь, хотя в ней *per saldo*¹² не так-то много приятных моментов, пусть даже каждое слово

¹⁰ Hans Freyer (1887—1969) — немецкий философ и социолог консервативного направления [Freyer, 1931] в работах, опубликованных до 1933 года [Freyer, 1923; 1925], он рассматривал государство как высшую форму развития культуры. Позднее под влиянием исторических событий он пересматривает эту точку зрения и в своих работах о Маккиавели [Freyer, 1938] и Фридрихе Великом [Freyer, 1986] приходит к пониманию государства как общественного образования, направленного на общее благо, легитимированного перспективами развития; государство не имеет права целиком поглощать человека, но все-таки должно накладывать на каждого отпечаток общей цели, охраняя вместе с тем свободу и человеческое достоинство каждого гражданина. В вопросе о легитимности государства Фрайер соединил идеи естественного права и классического буржуазно-гуманитарного Просвещения: только то государство легитимно, которое выполняет условия, которые народ имел в виду, передавая свою власть правителям. Его работы оказали большое влияние на философствование Гелена в 1945—1970-годах, хотя ссылки на его работы почти отсутствуют у Гелена.

¹¹ «*Qui serra vécu, verra*» — здесь Гелен явно допустил ошибку, очевидно полагаясь на память. Французская поговорка «поживем, увидим», звучит так: «*Qui vivra, verra*».

¹² «*Per saldo*» итал. — «в общей сложности».

массмедиа уверяет нас в обратном, — для этого требуются нравственные силы. Теперь мы приближаемся к понятию личности, или, может быть, к отдельным признакам, которые могут быть суммированы в этом понятии, если попытаться раскрыть его в нравственном смысле. В таком случае личность становится чем-то недействительным. Главным же критерием становится способность отдавать себе отчет в реальности.

Способность воспринимать действительность и включаться в бурление жизни, в поток переживаний, стремиться к достижениям даже ценой чрезмерных усилий, но без эскапизма, — это встречается отнюдь не часто. В повседневности все реже встречаются люди, способные полностью оценить ситуацию, например, которая возникает в коммуникации с глазу на глаз, не просто репродуцирующей бессмысленную болтовню, имеющую своим истоком вечную оглядку на общественные обстоятельства и расхожие мнения и с легкостью использующую формулы, давно ставшие привычными. Признание и принятие негативных сторон жизни и связанного с ними отказа от определенных радостей жизни также должно базироваться на чувстве реальности. С этим соединен, как я полагаю, отказ от так называемой «большой картины мира». Разделы науки уже не умещаются под одной обложкой. Иногда ученым удается соединить некоторые разделы наук в нечто единое, тогда как другие разбегаются в стороны. Только в одной психологии в наличии три или четыре направления, которые больше не в состоянии достичь взаимопонимания¹³. Но так обстоит дело везде: никто уже не может точно сформулировать, в чем должно заключаться понятие широкой образованности; а если мы попытаемся опереться на резервы классики, то окажется, что все это устарело: из понятий классической физики невозможно вывести современные, из ценностей классической живописи — ценности современной. Здесь я веду речь только об ориентации внутри мира, но конечно и философии тоже, к которой применимы слова Гёте, сказанные относительно Якоби¹⁴: тому не хватало естественных наук, из нравственных понятий не получается всеобъемлющей картины мира. Но этот недостаток проистекает из сущности вещей: все эти главы невозможно соединить вместе, а все, если не удастся соединить, тогда частное, партикулярное, пытаются выдать за всеобщее — особенно в философии, искусстве, мировоззрении. Именно здесь лежат дискуссионные проблемы, связанные со специализацией всякого труда и с потерей личности, проистекающей из этих обстоятельств.

Утрата целостности представляет собой существенную проблему, поскольку современный человек вынужденно включен в мировые связи делового характера, которые приводят к его дезориентации. Ежедневно на нас обрушиваются огромные объемы информации со всего мира, мы вынуждены формировать свое мнение о процессах, затрагивающих гигантские проблемы, выходящие за пределы наших интеллектуальных способностей и эмоциональных возможностей. В повседневной жизни мы часто существуем в ситуациях, которые уравнивают нас — в худшем смысле. Если я заболеваю, то как пациент оказываюсь под властью определенных правовых категорий, прием на работу или увольнение

¹³ Нечего и говорить, что в настоящее время число таких направлений существенно больше четырех.

¹⁴ Скорее всего, речь идет о знаменитой фразе «Бог наказал тебя метафизикой, — всадив ее тебе, как кол в тело, — меня же, напротив, благословил физикой».

превращаются в политическое событие, производственное совещание — в уравнение со многими неизвестными, многие решения в нашей жизни становятся превентивными, так как никто не знает, кто и во что имеет право вмешиваться или какое право вмешательства он заполучит в ближайшем будущем.

Здесь я вижу главную опасность для личности. В таких условиях она вынуждена чувствовать себя нежелательной. Когда все определяют политика, информация, общественная жизнь, личность чувствует себя ненужной, даже мешающей. Еще немного, и мы будем думать, что наше сознание — это только представления, требования и мнения, вложенные в нас *другими*. У нас воспитывают чувство безграничной ответственности, но при этом мы не знаем, за что же мы, собственно говоря, отвечаем. Ведь все, что кажется связанным, на самом деле не связано между собой, либо связано, но так, что мы не знаем, как именно. Таким образом, мы оказываемся отчужденными от самих себя либо оказываемся в центре чуждых нам интересов, чужих мнений, фактов и фикций.

Трудности осознания смысла действительности связаны не только и не столько с тем, что нам необходимо прорваться через пену и видимость к действительности. Ведь и видимость, фасад явлений могут иметь и нередко имеют свое собственное оправдание. Проблема состоит в том, что объем того, что является нам как действительность, и уже в силу этого общезначимое, слишком велико для каждого из нас, мы не в состоянии свести все это воедино и в этом качестве обдумать должным образом. Когда на нас наваливаются факты и новости, окутанные облаками агитации, угроз, требований всякого рода, полемики и разных мнений, тогда совсем неслучайно мы превращаемся в очень осторожных защитников своих собственных интересов.

Теперь мы можем обобщить сказанное в философской форме. Кант держался мнения, что наши обязательства в отношении деятельности простираются значительно дальше, нежели наши способности познания. На этом основывается, полагал он, вера, которая играла роль движущего механизма, заставляющего нас прокладывать прямой путь через чащу непознаваемого. Может быть, тем самым действительно затронуто нечто существенное в вере, которая и ныне полагает быть достаточным основанием для деятельности человека, живущего — по своей сущности — во тьме.

В этой связи мы могли бы затронуть еще один пункт. Наши знания, мнения, наша информация, даже наши действительные и мнимые обязательства, простираются несравнимо дальше, чем мы могли бы действовать с полной ответственностью. Если не иметь в виду атеизм, то это отдаленность от Бога: мы должны как-то справляться с ситуациями, которые не можем переработать ни интеллектуально, ни морально, ни чувственно-аффективно.

Таким образом, мы можем понять часто встречающийся, ставший практически обязательным тип приспособления. Вся наша культура с ее богатством, бесчисленными противоречиями и несовместимостями подводит нас к фиктивной всесторонности, к попыткам следовать за ней с помощью обогащения сферы чувственных впечатлений, образов и мыслей. Напряжение такого рода просто висит в воздухе, а тот, кому удастся избежать этой атмосферы, чувствует дуновение кошмарного или потустороннего. Из хаотизации действительности с определенной степенью необходимости происходит вся та пена, которую мы относим к развитию и обогащению субъективности (по большей части ложному). Но если представить себе, что всего этого нет, то останется только сухой остаток

ограниченных жизненных обстоятельств и крайне малый запас собственных впечатлений и способностей. Теперь вряд ли кто согласится вернуться к таким жизненным обстоятельствам, не очень отличающимся от унылого существования промышленных рабочих — пока они не стали получать хорошее вознаграждение за свой труд.

Совершенно очевидно, если мы хотим уделить личности более серьезное внимание, то мы не имеем права ограничиваться только эстетическими или социальными моментами, но должны исследовать ее реальный контакт с действительностью. Личность не должна участвовать в том, что Карл Шеффлер¹⁵ назвал «буржуазной смесью из жажды удовольствий и утопии». Реальный контакт с действительностью выражается в понимании того существенного, что невозможно превратить в пустую болтовню, и в осмыслении тех вещей и образов поведения, которые имеют шансы на длительное существование.

Почему слово «красота» исчезло из нашего обихода, почему так мало людей, которых мучают ясно поставленные вопросы личностного свойства? Напротив, возникает все больше расплывчатых проблем, которые изначально не поддаются решению. Например, проблема «использования свободного времени» или «хулиганствующих подростков». В этих случаях нет никого, кто бы за это отвечал, и мы можем лишь дискутировать об этом. Почему даже в дискуссии по вопросам искусства подмешивают яд политического доносительства? Почему господство «великой посредственности» (Жан Кокто) не подвергается никакому сомнению? Именно потому, что все это лежит на линии наименьшего сопротивления, и мы заблудились в мире, где все оказалось несвязанным. Тот, кто будет блуждать между дорожными указателями, никогда не выберет крутой подъем. Как раз именно здесь мы натываемся на сучок в бревне, и кто готов с этим справляться, тот-то и есть подлинная личность, если это слово должно получить действительный смысл.

Вы обратились к философу с вопросом и получили философский ответ. Заметьте, Вы ничего не услышали о судьбах Запада либо об экзистенции, но речь шла о том, как осмыслять те ситуации, которые представляются незаметными, и о невероятности случайной удачи. Ничего о взлете, но о сухих и скучных вещах, ничего о так популярном ныне чувстве ответственности без соответствующей компетенции, но об умении отказываться. И теперь у нас получаются совершенно иные признаки личности, нежели в психологических работах и в сфере управления персоналом: умение смолчать, признание реальных трудностей, отказ от пропагандистских трюков в общественной сфере, подлинное умение делать выводы, поскольку мы все еще верим в истину, презрение по

¹⁵ Карл Шеффлер (Karl Scheffler) — немецкий художник, архитектор, критик и публицист, искусствовед, почетный доктор Цюрихского университета (1944), издатель журнала «Искусство и художники», запрещенного после прихода нацистов к власти. Гелен ссылается на его книгу «Будущее немецкого искусства» [Scheffler, 1918]. До Первой мировой войны был горячим защитником немецкого импрессионизма. После 1918 года немецкий авангард, который собственно и вырос из импрессионизма, становится ему все более чужд, что вызвало на страницах журнала ожесточенную полемику с Людвигом Юсти, директором Немецкой Национальной галереи, Эта полемика получила название «Берлинская музейная война» [Scheffler, 1921]. Наибольшее влияние из его 15 книг имели работы, посвященные немецкому импрессионизму до 1914 года, работа «Немец и его искусство» [Scheffler, 1907], также книги по архитектуре Берлина.

отношению к легким победам и *facilités*¹⁶, готовность понимать других. Где Вы найдете все это? Это добродетели, которым противятся все ветры сегодняшнего дня. Из числа личностей необходимо исключить всех, кто знает, как достичь успеха с помощью слов, кто болтает об ответственности, но при этом нет никого, кто поручил бы ему что-то ответственное. Все это ныне обычные образы поведения. Поэтому Вы можете оценить шансы личности в наше время, и тема «Конец личности?» сохраняет свой вопросительный знак.

Библиографический список / References

- Монин М. А. Пути Парменида // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 115—131.
- Фрагменты ранних греческих философов / под ред. А. В. Лебедева. М.: Наука, 1989. Ч. 1. 576 с.
- Секст Эмпирик. Против ученых // Секст Эмпирик. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 61—376.
- Платон. Федон // Платон. Собрание соч. в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 7—80.
- Freyer H. *Der Staat*, Leipzig: Rehfelden, 1925, 216 s.
- Freyer H. *Theorie des objektiven Geistes. Eine Einleitung in die Kulturphilosophie*, Leipzig; Berlin: Teubner, 1923, 120 s.
- Freyer H. *Revolution von rechts*, Jena: Diederichs, 1931, 72 s.
- Freyer H. *Machiavelli*, Leipzig: Bibliographisches Institut, 1938, 172 s.
- Freyer H. Preußentum und Aufklärung, in Üner E. (ed.) *Preußentum und Aufklärung und andere Studien zu Ethik und Politik*, Weinheim: Acta Humaniora, 1986, ss 1—70.
- Gehlen A. *Urmensch und Spätkultur. Philosophische Ergebnisse und Aussagen*, Bonn: Athenäum, 1956, 300 s.
- Gehlen A. *Die Seele im technischen Zeitalter. Sozialpsychologische Probleme in der industriellen Gesellschaft*, Hamburg: Rowohlt Verlag, 1957, 132 s.
- Nicolson H. *Diaries and Letters*, London: Collins, 1966—68, in 3 vols.
- Scheffler K. *Der Deutsche und seine Kunst: Eine notgedrungene Streitschrift*, München: Verlag R. Ripper & Co., 1907, 58 s.
- Scheffler K. *Die Zukunft der deutschen Kunst*. Berlin: Cassirer, 1918, 40 s.
- Scheffler K. *Berliner Museumskrieg*, Berlin: Cassirer, 1921. 120 s.

Перевод принят к публикации 01.06.2022.

The translation accepted for publication 01.06.2022.

¹⁶ *facilités* — способности.